

МАЛЕНЬКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Г. ШТОРМ

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ 1938

ГЕОРГИЙ ШТОРМ

НА ПОЛЕ БУЛИКОВОМ

*Центральный Комитет
Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1938 Ленинград*

НАШЕСТВИЕ БАТЫЯ

В 1236 году, весной, с верховьев Иртыша и склонов западного Алтая двинулись войска монголов. Их кони имели в изобилии подножный корм и воду. Но кочевникам этого было мало. Они срубали вековые деревья, кормили листвою коней, а корою — баранов и оставляли позади себя пустыню, где уже более не росла трава.

Это была как бы перекочевка. Десятки тысяч семейств гнали с собой стада, тащили военные орудия.

Их вел внук Чингис-хана, сын старшего его сына, Батый.

Монголы покоряли на своем пути племена и народы и сколачивали из них новые боевые отряды.

Орды кочевников шли покорять Европу. За тринадцать лет перед этим им удалось дойти до Руси и выиграть битву на Калке. Монголы впервые столкнулись тогда с русским народом. Они поняли, что народ этот храбр и опасен в бою, но постоянно страдает от междоусобий. Они шли завоевывать Русь, зная, что ее отдельные и сильные княжества разрознены и не могут противостоять сплоченному врагу.

Вооружение монгольских орд состояло из кривых сабель, луков, стрел, секир и пик с крючьями для стаскивания с седел неприятельских всадников. Каждый воин

Чингис-хан.
(С китайского портрета.)

имел при себе пилку для затачивания стрел (острия их, кроме того, закалялись в огне и затем заливались водой с солью), имел также иголки, нитки и сито для процеживания мутной воды.

Воинам отборных отрядов выдавались кожаные либо железные шлемы и щиты из вареной кожи буйволов. При осаде городов монголы надевали на себя кожаные будочки и подходили в них к самым крепостным стенам, неуязвимые для неприятельских стрел.

Монголы, или, как правильнее их называть, монголо-татары¹, применяли «порьки»: так на-

зывались на Руси стенобитные машины и баллисты — пращи для метания камней. В армии монголов было вдоволь глиняных ядер с налитой в них нефтью, чугунных горшков, начиненных порохом, и «огненных копий», то есть зажигательных ракет. Они умели устраивать наводнения, вести подземные ходы и подкопы, разрушали стены городов, разбивая их каменными глыбами, и заваливали рвы мешками с землею при помощи метательных машин.

Воины были разделены на десятки, сотни, тысячи и десятки тысяч. В войске поддерживалась строжайшая дисциплина: за неисполнение приказа или бегство от врага грозила смертная казнь.

¹ Русские стали называть их просто «татарами».

Монгольские войска не возили с собой фуража, и кони их обычно питались только травой. Отсюда возникла легенда, что монголо-татары кормят лошадей целого отряда одним мешком ячменя.

Все завоевания этого народа совершались главным образом конницей. В конном строю орда проходила бескрайные степи. Несметные конские табуны следовали за нею в тучах пыли, ибо каждый воин имел в походе до пяти и более запасных коней.

Конница была разделена на легкую и тяжелую. Первая начинала битву метанием стрел и дротиков, вторая не занималась перестрелкой, а действовала лавой и наносила главный удар.

Армия монголо-татар имела правильный строй: в сражение вступали несколько линий, вводимых в бой постепенно; в самом конце битвы бросались на врага свежие резервы.

Приступая к осаде города, монголы окружали его частоколом; это служило защитой от вылазок осажденных, от их стрел и камней.

Монголо-татарские воины были искусными стрелками из лука: на полном скаку они поражали врага без промаха и одинаково ловко спускали тетиву правой и левой рукой.

Субэдэ, полководец Чингис-хана.
(С китайского портрета.)

Монголо-татарские кибитки.
(Из книги «История монголов» Плано Карпини.)

Они строили пирамидальные башни, иногда достигавшие высоты шестидесяти метров, и, взбираясь на них, наблюдали за жителями осажденных городов.

При переходе горных ущелий они делали мосты из связанных железных копий.

Когда войскам приходилось передвигаться ночью, это совершалось в полном безмолвии: воины держали во рту тряпичные кляпы, и особые узды надевались на коней, чтобы они не могли ржать.

Целые тучи стрел посылали монголы на врага, стремясь не давать ему передышки.

Трупы убитых татарами людей были так утыканы стрелами, что видом своим напоминали ежей.

Монголы были хитры, ловки, изобретательны. Жестокостью и коварством они приводили в трепет встречавшиеся им на пути народы.

«Если осажденный город не сдастся прежде того, как начнут метать стрелы и камни, то по взятии вырубить оный» — так учили монгольские ханы, и правило это свято исполняли их войска.

**

Часть Батыевых сил двинулась к Средней Волге, победила мордву и сожгла главный город Булгарского царства близ устья Камы. Остальная орда, пройдя Половецкую степь, разбив кабардинцев и половцев и сделав набег на Чернигов, осталась кочевать на притоках Дона, у рубежа Рязанской земли.

Батый решил напасть на северо-восточную Русь зимой, когда деревья уже сронили лист и в лесу легче избежать засады, когда болота и топи замерзают, а снег заносит крепостные рвы, облегчая взятие городов.

И вот легла зима. Пришли по санному пути к рязанским князьям Юрию и Олегу татарские послы и сказали:

— Дайте нам десятину (десятую часть) от всего, что имеете: от людей, оружия и коней.

А коней потребовали разных: белых, вороных, бурых, рыжих и пегих, потому что отряды татарской конницы различались по цвету мастей.

Рязанские князья выехали навстречу вражеской рати и отвечали:

Батый.

(С китайского портрета.)

— Когда нас всех не будет в живых, тогда все ваше будет.

После этого орда хлынула потоком на Рязанскую землю «в бесчисленном множестве, как саранча».

Напрасно Юрий Рязанский просил Юрия Владимирского: «Или сам бы пришел, или воинов своих прислал», — князь не сделал ни того, ни другого. Не помогли и северские и черниговские князья, не простившие рязанцам их отказа участвовать в битве на Калке. Не поддержанное никем, мужественное рязанское ополчение было разбито, и татары в декабре осадили Рязань.

Этот город находился в тридцати двух километрах по Оке от Рязани нынешней, называвшейся тогда Переяславлем Рязанским. Это была Старая Рязань.

Татары приступили к ней со стенобитными машинами, осадными лестницами и целыми отрядами метателей огня.

Горожане отчаянно защищались, но на шестой день осады враг разбил деревянные стены таранами и сквозь дым и пламя ворвался в город. Тысячи мужчин, женщин и детей были убиты. Одних рассекали мечами, других для забавы расстреливали из луков, третьих связывали и бросали в огонь.

Когда весь город был обращен в пепел и на пожарище не осталось «ни стонущего, ни плачущего», орда ушла дальше, за Оку.

ЛЕГЕНДА О КОЛОВРАТЕ

По преданию, в это самое время приехал в свой родной разоренный город рязанский боярин Евпатий Коловрат.

Сердце его сжалось при виде чудовищного разгрома. Быстро собрал он в окрестностях города тысячу семьсот человек и с небольшой этой дружиной бросился догонять орду.

Русские настигли татар в Суздальской земле, внезапно налетели на них и начали сечь без милости. Они рубили их так, что мечи рязанские тупились. Тогда дружинники хватали мечи татарские и поражали ими врагов.

Старинная «Повесть о разорении Рязани Батыем» говорит, что татары стояли, как пьяные; им казалось: это рязанские мертвецы восстали. С трудом смогли они захватить пять смельчаков, изнемогших от ран.

Их привели к Батыю, и хан спросил, кто они.

— Мы слуги князя Рязанского, — ответили пленные, — а воины Евпатиева полка. Нам велено проводить тебя с честью, как русские обычно провожают от себя чужеземцев: стрелами и копьями.

Тогда Батый послал шурина своего, Таврула, с сильным отрядом, чтобы уничтожить горсть храбрецов.

Предание говорит, что Таврул и Евпатий съехались один-на-один, но Коловрат, «исполин силою», рассек противника надвое «до седла».

Татары ничего не могли сделать с отважной дружиной. Только окружив ее и поставив на сани до ста метательных орудий, засыпав рязанцев камнями и стрелами, удалось им убить Коловрата и почти всех его людей.

Тогда собрались татарские мурзы во главе с Батыем и, оглядывая раненых пленников, стали говорить:

— Мы со многими царями во многих странах сражались, а таких удалцов не видали. Это люди крылатые и бессмертные — так крепко и мужественно они бьются: один — с тысячею, а два — с тьмою¹.

А Батый сказал:

— О Евпатий Коловрат, здорово ты со своею малою дружиной меня пощипал, многих богатырей моих побил, и множество воинства моего от твоей руки пало! Если бы такой, как ты, у меня служил, держал бы я его против самого своего сердца.

---

¹ Тьма — по древнерусскому счету — десять тысяч.

И приказал выдать его тело израненным пленным рязанцам и отпустить их, не причиняя им никакого вреда...

Из Рязанской земли Батый двинулся на Владимир, но не прямым путем, а через Коломну и Москву.

Под Коломной он разбил владимирскую рать под начальством Всеволода, сына Юрия, а разорив Москву, взял в плен другого его сына — Владимира. Отступать к Москве Юрий больше не мог — этот путь был отрезан. Князь ушел за Волгу собирать войско. А тем временем пали Владимир и Суздаль, и все Владимирское княжество оказалось во власти татар.

«Солнце погребло по всей земле!» горестно восклицали тогда русские летописцы. А народ слагал замечательные по глубине чувства и поэтичности «плачи» о страданиях и бедах родной земли.

В одном из них говорится о князе Юрии, оплакивающим разорение русских княжеств и смерть сыновей.

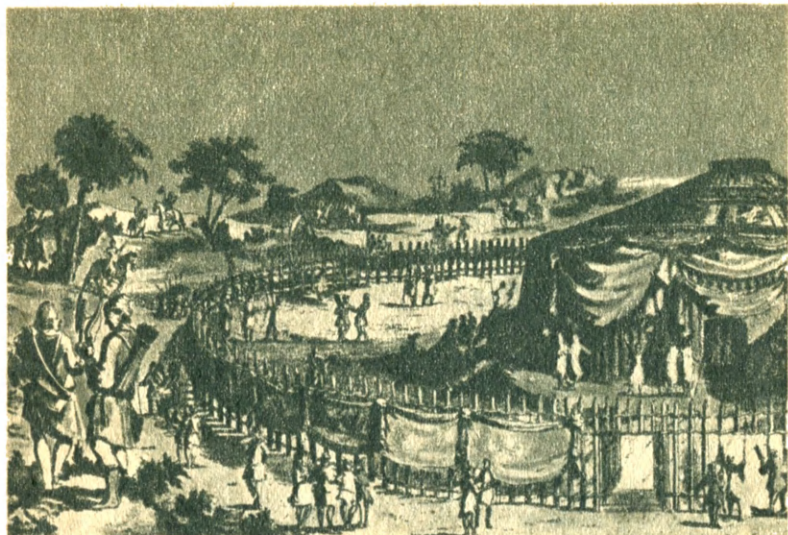
«Солнце мое дорогое, месяц мой прекрасный, зачем так рано зашли? — жалуется князь. — Где честь и слава ваши? Над многими землями были вы господами, а ныне лежите на земле опустошенной... От страны к стране, от дубравы к дубраве — все плачете со мною... Столько погребло князей и великих храбрых удалцов!..»

Погиб и сам Юрий Всеволодович, князь Владимирский, не пожелавший пойти против татар вместе с Рязанью. Собрав в Ярославской области войско, он встретился с ордой на берегах реки Сити, был разбит и сложил голову в неравном бою.

ТАТАРСКОЕ ИГО

Народ героически сопротивлялся нашествию. Но разрозненные русские княжества не могли сдержать лавины татарских полчищ и к 1242 году были покорены.

На Нижней Волге Батый основал столицу татарского ханства, в состав которого вошли Булгарские земли, часть

Шатер монгольского хана.

(Из книги «История монголов» Пявно Карпини.)

Средней Азии, Северный Кавказ и Таврида. Ханство это стало известным под именем Золотой Орды.

Русские княжества попали в зависимость от золотоордынских ханов и должны были платить им дань.

Дань эта называлась «выходом», потому что, получив ее, татары выходили из русских владений, то есть соглашались не разорять их. Но уже одна эта дань была сущим разорением для народа. А татары еще обложили особыми пошлинами рабочий скот, пашни, мосты, реки и озера — все, что могло принести доход.

Данью было обложено все мужское население. Во времена Батыея «каждый, как малый, так и большой, даже младенец однодневный, давал дань».

Первоначально ее собирали татарские сборщики — «баскаки» и «бесермены». Они отвозили в Орду определенную сумму, а все, что выжимали из народа сверх этого, брали себе.

У каждого, кто имел троих сыновей, отнимали одного. Татары составляли из покоренного населения военные отряды; уводили в Золотую Орду ремесленников и принуждали их там работать; некоторых переселяли в Среднюю Азию, Монголию и Китай.

Народ не раз восставал против своих угнетателей.

В 1262 году, не стерпя «лютото томления бесерменского», жители Суздаля, Ростова, Владимира, Ярославля и Переяславля ударили в вечевые колокола и выгнали «бесерменов» из городов.

В 1289 году народ вторично выгнал татар из Ростова.

В 1327 году восстала против монголо-татарского гнета Тверь.

Ордынский посол Чол-хан, которого русские летописи и былины называют Шевканом и Щелканом, притеснял и грабил тверитян.

Брал он...
С князей... по сту рублей,
С бояр по пятидесяти,
С крестьян по пяти рублей;
У которого денег нет,
У того дитя возьмет;
У которого дитя нет,
У того жену возьмет;
У которого жены-то нет,
Того самого головой возьмет.

От посла не отставала его свита. Жители Твери страдали от унижений и насилий. Они несколько раз жаловались своему князю, но тот не мог и не смел их оборонить.

Тогда народ сам расправился с грабителями. Поводом к этому послужил очередной грабеж.

Ранним осенним утром местный дьякон поил на Волге кобылу. Татары начали отнимать лошадь. Дьякон закричал:

— Тверитяне, не выдайте!

Сбежались горожане и стали избивать татар.

Загудели колокола тверских звонниц, и восстал весь город. Был убит Чол-хан и все бывшие с ним в Твери татары. Уцелели только татарские пастухи, пасшие в поле коней...

Народ восставал против иноземных завоевателей. Но все его попытки были жестоко подавляемы: татарские ханы пользовались разрозненностью Русской земли. Тяжкое, позорное иго тяготело над Средней Азией, Закавказьем и Восточной Европой.

Немало русских князей сложило в Орде свои головы. Отправляясь туда на поклон к хану, князья прощались с жизнью, писали духовные завещания. Вынужден был ездить в Орду, в далекое Забайкалье, и победитель шведов и ливонских рыцарей Александр Невский. А между тем мужество этого князя было настолько хорошо известно татарам, что они именем его пугали своих детей.

Но время шло. Московские князья Иван Калита и его сын Семен повели ловкую политику. Они добились от золотоордынских ханов признания своего старшинства над прочими князьями и получили право собирать для Орды дань со всех русских земель.

Пайцза — серебряная дощечка, выдававшаяся ханами монгольским чиновникам в удостоверение их власти. На таких металлических, а иногда и деревянных дощечках было написано: «Кто не послушает ханского повеления, пусть будет убит».

Часть собранной дани они сами отвозили в Орду, а часть тайно удерживали. На эти деньги они вооружались, строились и расширяли свои владения приобретением целых областей, городов и сел.

Московские князья «собирали» отдельные княжества в единое государство. Иногда они силой подчиняли их, не останавливаясь ни перед чем для достижения своей цели.

Но так совершалось великое дело: разрозненные земли объединялись, Москва возвышалась и крепла. Русский народ накапливал силы, чтобы сбросить ханское ярмо.

МАМАЙ ИДЕТ НА РУСЬ

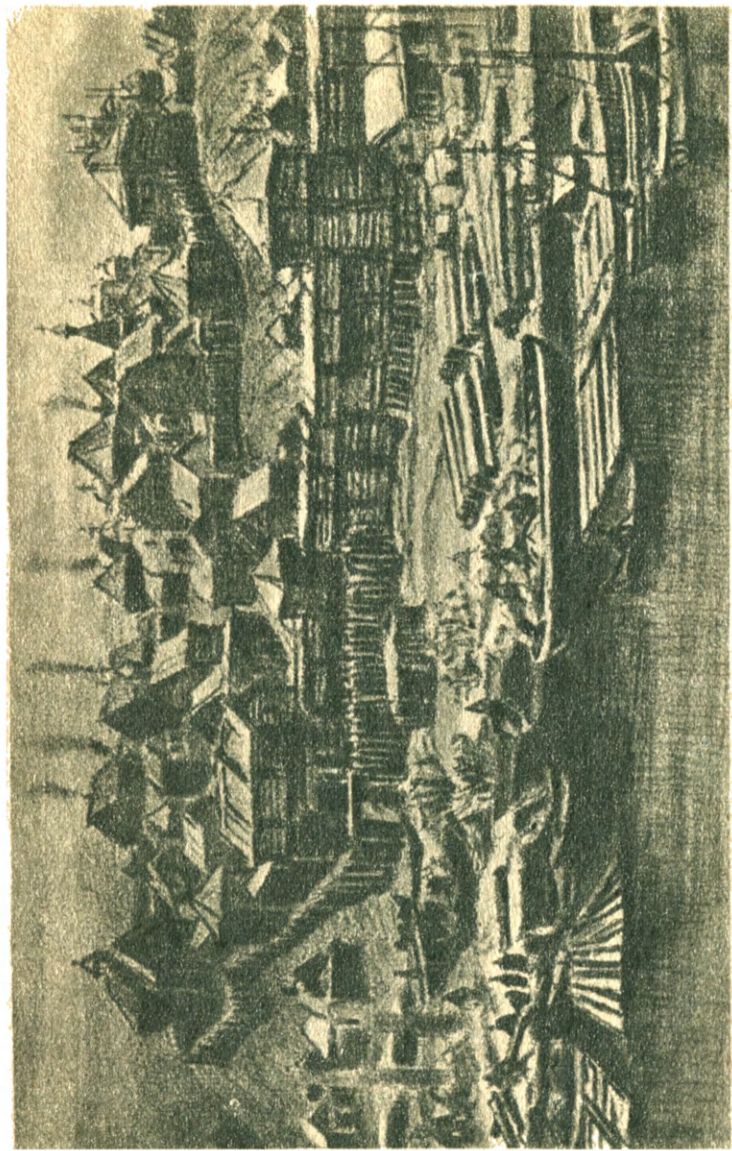
Внук Ивана Калиты, московский князь Дмитрий Иванович, продолжал расширять и укреплять Московское государство, успешно борясь со всеми соперниками Москвы.

Одержав ряд побед — над Тверью, Рязанью, Новгородом и Литвою, — он решил наконец выступить и против угнетателей Руси, золотоордынских ханов. Время для этого настало. Пора междоусобных княжеских войн близилась к концу.

Уже многие русские князья были обязаны помогать московскому князю в борьбе с татарами. «Биться нам всем против них заодно» — так договаривались князья между собою. А тем временем, пока Русь все более крепла, Золотая Орда ослабевала из-за постоянных внутренних смут.

В шестидесятых годах XIV века большую силу в Орде приобрел военачальник Мамай. Он командовал десятитысячным войском («тьмою»), и потому на Руси его называли «темником». Он ставил и свергал ханов по своему усмотрению и от их имени управлял Ордой.

Мамай сумел усилить ее и навести в ней порядок. Но это не остановило московского князя. В союзе с тестем своим, Дмитрием Нижегородским, он совершил несколько

Московский Кремль в XIV веке. (С рис. А.п. Васнецова.)

походов в подвластное татарам Поволжье. В 1376 году московская и нижегородская конница под начальством волынского князя, воеводы Боброка, двинулась на Великий Булгар.

Город этот был столицей одного из четырех ханств, составлявших в XIV веке Золотоордынское государство. Тремя другими столицами были в то время Азов, Наручат и Сарай-Берке. Нападать на Булгар было все равно, что на Золотую Орду.

Булгарское войско вступило в бой верхом на верблюдах с целью испугать этим русских коней. Но верблюды были вогнаны в город, и русские овладели Булгаром. Жители его должны были просить мира, и московский князь наложил на них дань.

Тогда Мамай понял, что Москва перешла в наступление. Он решил положить ему предел в самом начале и послал два войска на северо-восточную Русь.

Одно из них разорило и сожгло Нижний Новгород; другое, более сильное, под начальством мурзы Бегича двинулось на Москву.

Дмитрий опередил эту рать и встретил ее в Рязанской земле, на берегах притока Оки — реки Вожи. Здесь 11 августа 1378 года татары были разбиты и бежали в степи, побросав множество своих кибиток и телег.

Союзные силы князей одержали над своим заклятым врагом первую большую победу. Так началось решительное сопротивление русского народа власти Золотой Орды.

Но Мамай не забыл поражения своей рати. Он созвал своих воевод и мурз, объявил себя ханом и летом 1380 года двинулся на Русь со всею ордой.

Перед началом похода он разослал приказ по золотоордынским владениям — улусам: «Пусть никто не смеет сеять хлеб, готовьтесь на хлебá в Русской земле».

Он собрал огромные татарские и половецкие силы; нанял отряды хорезмийцев, черкесов, живших на Средней Волге буртасов и генуэзцев, обитавших в Крыму.

Гонец сообщает князю Дмитрию Ивановичу о приближении Мамаю с войском.

(Русская миниатюра начала XVI века.)

Затем, заключив союз с литовским королем Ягайло и князем Олегом Рязанским, он прикочевал с ордой к устью реки Воронежа, то есть к границам Рязанской земли.

Тогда Дмитрий разослал грамоты ко всем русским князьям, призывая их идти к нему на помощь со своими дружинами. И вскоре начали собираться в Москву ратные люди под начальством многих тяготевших к Москве князей. Раньше всех явился двоюродный брат Дмитрия — Владимир Андреевич Серпуховский. Затем прибыли князья Белозерские; пришли удельные Ярославские, Ростовские и Устюжские князья.

Но никто из сильных областных князей не отозвался на призыв Дмитрия. Все они либо боялись татар, либо не хотели способствовать дальнейшему возвышению Москвы.

Не явились ни смоляне, ни новгородцы. Не прислали помощи ни Тверь, ни Нижний Новгород. Москва должна была защищать Русскую землю только теми силами, которые она успела объединить.

Между тем от Мамаю прибыли послы и потребовали дани, какую Русь платила ханам прежде. Тогда собрался совет бояр и прибывших в Москву князей. Чтобы выиграть время, решили отпустить послов с дарами и послать хану мирный договор, а тем временем спешно готовиться к обороне. Но вслед за тем стало известно, что Мамай хитрит и готовит удар на Москву, как только встретится с Ягайло и Олегом.

Тогда было решено идти навстречу татарам в самые степи и предупредить соединение вражеских сил.

НАВСТРЕЧУ ОРДЕ

20 августа 1380 года русское войско выступило в поход.

Вся Москва провожала уходящих воинов.

Тихий теплый ветер колыхал стяги. Всюду, куда только доставал глаз, виднелись шлемы с остроконечными вер-

хушками; блистали кольчужные брони, франкские прямые мечи и кривые хорасанские сабли; мелькали копья, секиры, луки, колчаны, красные русские щиты.

Чтобы не было тесноты в пути, войско двинулось тремя дорогами: одна рать пошла на Серпухов, другая — к Старой Кашире, третья — к селу Брашеву, где был перевоз через Москва-реку.

Князю Дмитрию Ивановичу в то время было не более тридцати лет. Он был горяч и отважен в бою и крепко верил в успех предстоящей битвы. Отчасти поэтому взял он с собою в поход девять гостей-сурожан — купцов, торговавших шелком с крымским городом Сурожем (Судакком), которым в XIII веке

завладели генуэзцы. «Пусть поведают в дальних землях о том, что случится», сказал князь Дмитрий. Но сурожане, хорошо знавшие степь, были полезны и как проводники.

А впереди русского войска давно уже выслеживали татар и приглядывались к местности два сильных сторожевых отряда. Дмитрий послал их «под самую орду Мамаеву» добывать вестей. Вести же были такие, что Мамай не торопится, так как ждет прихода Ягайло, и тянет

Тип русского воина.

(1300—1500 годы.)

время до осени, когда поля на Руси будут убраны и орда сможет грабить крестьянский хлеб...

24 августа ополчение подошло к Коломне, где был назначен сбор всех русских сил.

Здесь к Дмитрию неожиданно явилась помощь: пришли с дружинами двое князей Ольгердовичей, родные братья Ягайлы, — Андрей, княживший в Пскове, и Дмитрий Брянский. Князья эти были одной веры с русскими; в свое время они бежали из Литовского княжества и теперь зависели от Москвы.

Был в войске Дмитрия и отважный воевода Боброк-Волынец, тот самый, который одержал над волжскими булгарами большую победу. В те времена Москва привлекала к себе многих выходцев из разных княжеств, угнетаемых татарами и литвой.

Тем временем Ягайло в союзе со шведами и жмудинами пришел к Одоеву и стал на берегах Упы. Он ждал Олега Рязанского, но тот, проведав о численности войск, собравшихся под знамена московского князя, медлил, не зная сам, на чью сторону ему стать.

26 августа, утром, войско выступило левым берегом Оки и остановилось, дойдя до устья реки Лопасни. Здесь присоединились к нему новые, посланные из Москвы отряды. Всей рати было около ста пятидесяти тысяч. Такой могучей силы еще никогда не выставляла Русская земля.

От Лопасни рать двинулась прямо к Верхнему Дону, направляясь вдоль западных границ Рязанского княжества. Московский князь строго приказал ратникам не обижать жителей, чтобы и они не вредили войску, оставаясь в тылу.

— Кто идет по Рязанской земле, да не смеет ни к чему прикоснуться! — так сказал он.

Приблизившись к Дону, Дмитрий остановил полки у села Березуй.

Туда пришло множество пешего воинства: ремеслен-

ников, крестьян и торгового люда из разных городов русских и сел, находившихся поблизости. Летописец говорит: «Страшно было видеть эти толпы людей, идущих в поле против татар».

От пойманного татарина русские узнали, что Мамай недалеко, но подвигается медленно, так как ждет Олега и Ягайло; о близости же московской рати у него вестей нет.

Тогда собрались князья и воёводы, чтобы решить, где биться с врагом. Некоторые считали, что не надо переходить реку, оставляя у себя в тылу Литву и Рязань; в случае неудачи, говорили они, легче будет уйти восвояси.

Но Дмитрий сказал:

— Братья, лучше честная смерть, чем позорная жизнь. Перейдем за Дон и все там положим свои головы за братьев наших!

И Ольгердовичи его поддержали.

— Если перейдем на ту сторону, — сказали они, — воины будут знать, что отступить и бежать некуда, что надо только победить или лечь костьми.

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

7 сентября, в пятницу, русское войско придвинулось к самому Дону и к речке Себенке. Дмитрий велел нарубить деревьев, наломать хвороста в окрестных дубравах и наводить мосты для пехоты. Конница же должна была перейти вброд.

Вскоре прискакал со своим отрядом разведчиков воевода Семен Мелик, только что бившийся с передовыми татарскими всадниками.

— Мамай перешел Дон, стоит на Гусином броду, одна ночь пути между нами! — сказал он.

Хан опешил помешать русским перейти Дон до прихода Ягайло. А литва, жмудины и шведы уже шли от Ооева навстречу орде.

К ночи русские перешли Дон и расположились на лесистых холмах при впадении в него Непрядвы.

За холмами лежало девятнадцатикилометровое Куликово поле, пересеченное речкой Смолкой. За нею, на противоположных холмах, разбила свой стан орда Мама; она пришла ночью, но опоздала: русские уже перешли реку.

Окрестности Куликова поля были овражисты, покрыты кустарниками, рощами, лесными зарослями. На самом высоком месте поля — Красном холме — стоял шатер хана, около него — шатры его военачальников: темников, мурз и воевод.

Ночью Дмитрий Иванович вместе с Боброком-Волынцем выехали на Куликово поле. В глубокой тишине слушали они, как гудит тысячами голосов татарский стан.

Тихо было в русском лагере.

Не многие спали в нем в эту ночь перед битвой, но и те, кто бодрствовал, молча ожидали наступления утра, когда решится судьба родной земли.

Татарский же стан рокотал, как море. Орды было не менее трехсот тысяч. Казалось, что несметные толпы народу сошлись на торжище, где продают и меняют пленников, волов и коней.

Уже звери сбегались, чуя поживу. Где-то выли волки и клектали хищные птицы. Тревожно кричали лебеди на Непрядве. Далеко было слышно, как скрипят телеги. Облако пара стояло над ордой...

БИТВА

Утро 8 сентября началось густым туманом. Мгла мешала видеть расположение враждебных ратей. Только трубы трубили с обеих сторон.

Часу в десятом туман начал редеть. Солнце осветило пять русских полков, выстроившихся перед битвой. Пра-

вым своим крылом они упирались в овраги и заросли речки Нижнего Дубяка, впадающей в Непрядву, а левым — в крутые берега Смолки. Почти вся пехота была выставлена в передовой («большой») полк.

Шестой — конный запасный — под начальством Владимира Андреевича и Боброка-Волынца был отправлен в засаду. Он стал за левым крылом в густой дубраве над речкой Смолкой. Князь Дмитрий выбрал это место очень удачно: отряд мог легко поддержать левое крыло, где было много новых необученных воинов; кроме того, он прикрывал обозы, а также мосты, наведенные через Дон.

Князя и воеводы сказали Дмитрию:

— Тебе следует стоять в стороне и смотреть на битву. Если же тебя лишимся, то станем как стадо без пастуха: придут волки и распугают нас.

Но князь ответил:

— Если я вам глава, то впереди вас хочу и битву начать. Умру или жив буду, но вместе с вами!

Потом он снял с себя золототканый плащ, надел его на своего приближенного, боярина Михаила Брюнока, и приказал возить за ним свое черное великокняжеское знамя. Сам же покрылся простым плащом и пересел на другого коня.

Около одиннадцати часов утра русские войска двинулись на орду.

Ревели натянутые ветром стяги, и веяли, словно живые, знамена; в блеске доспехов полки колыхались, как тяжелые волны; земля стонала от множества воинов; гребни их шлемов рдели, как жар.

Рать быстро спустилась с холма в лощину, откуда вытекала речка Смолка, и стала «на поле чистом, на месте твердом». В татарском стане было время обеда. Враг не ожидал такой смелой атаки и поспешил выступить, побросав свои котлы.

Обе великие рати начали сходиться в лощине. Русские войска с их красными щитами и светлыми доспехами свер-

кали на солнце. Татарские же походили на грозовую тучу: это была сплошная масса серых кафтанов и черных щитов.

Передовой татарский полк также состоял из пехоты; это были главным образом генуэзцы. Он двигался густою колонной; при этом воины задних рядов клали свои более длинные копья на плечи передним. Затем обе рати остановились: стена против стены.

Из полков выехали единоборцы: со стороны русских — инок Пересвет и от татарского войска — великан Челубей. Они ударили друг друга копыями, и оба упали с коней мертвыми.

Тогда Дмитрий сказал:

— Уже гости наши близко! Пришло время нам пить чаши!

И началась битва. Мамай следил за нею с Красного холма...

Русский народ в своих сказаниях об этой великой сече сохранил о ней память в торжественных словах:

«На поле Куликовом, между Доном и Мечею, сошлись сильные полки; кровавые ручьи вытекли из них; от блеска мечей и сабель затрепетали синие молнии, и треск множества копий раздался, как гром...

Полилась на кованые седла кровь, засверкали булатные сабли около голов богатырских, покатались золоченые шлемы на землю, и пали коням под копыта головы многих богатырей...»

Скоро воинам стало тесно. Ратники задыхались, а наступиться им было негде.

«Копья ломались, как солома, — говорит русская летопись, — пыль закрывала солнце, дождем падали стрелы».

Князь Дмитрий бился, как рядовой воин, и поразил насмерть ханского племянника Тулун-бега. Ни на чьей стороне не было перевеса. Русские одолевали в одном месте, татары — в другом.

— Какая польза от нашего стояния? — стали ворчать наиболее нетерпеливые. — Кому мы станем помогать, когда все изрублены будут наши полки?!

— Подождите еще немного! — сдерживал их Боброк. — Будет еще вам с кем пить и веселиться!

А жестокая битва длилась уже около двух часов. Стоило огромных усилий смотреть на нее и оставаться в бездействии. Врагу еще помогало то, что солнце ударяло русским в глаза и ветер дул им в лицо.

Уже на сторону татар склонялась победа. Уже раздавались их веселые гортанные клики...

Но вот солнце переместилось в небе, и в другую сторону потянул ветер. В то же время расстроенное левое крыло русских и теснявшая его татарская рать поровнялись с местом, где стояла засада.

— Теперь и а ш е время! — воскликнул Боброк и вытащил меч из ножен.

Запела труба. И, как соколы на журавлиную стаю, ринулись русские на татар.

Предание говорит, что Боброк, выводя своих людей, предостерегающе заметил:

— Это вам не московские ваши сладкие меды и великие места!

Слова его означали, что теперь не время спорить за честь и место, как это бывает на пирах боярских. Надо забыть обо всех обидах и спасти родину от врага...

И засадный полк, придя на помощь главной рати, добыл победу в течение часа. Орда, не ожидавшая натиска, дрогнула и под напором всего русского войска стала отходить.

На спуске с Красного холма, допятившись уже до своих таборов, татары, подкрепленные дружинниками самого Мамай, остановились было и снова завязали бой. Но русские сбили их с поля и начали с флангов охватывать противника.

Тогда закричали татары:

— Горе нам! Они оставили самых удалых князей и воевод в засаде! Наши же руки ослабели, и колени оцепенели, и кони наши утомлены. Кто может против них устоять? Горе тебе, великий Мамай! Всех нас погубил ты напрасно!

Орда обратилась в бегство. Загрохотали телеги. С ревом помчались волы и верблюды. Мамай, его мурзы и остатки дружины на свежих конях бросились в степь...

К вечеру более сорока километров до реки Красивой Мечи было устлано татарскими трупами. Русские преследовали врага до ночи. Много татар погибло при переправе, и лишь немногие из них выбрались на другой берег реки.

Враг был разбит. Были разбиты и бежали все его наемные отряды. Узнав о поражении Мамай, бежали «не путем, не дорогою» и Ягайло со своими шведами и жмудинами, и рязанский князь Олег.

Тем временем князь Владимир Андреевич «стал на костях» — так говорилось встарину о победителе, занимавшем поле сражения.

На месте побоища победно трубили трубы. Развевалось черное великокняжеское знамя.

Со всех сторон съезжались к нему русские воеводы и князья.

Самого же Дмитрия нигде не было видно. Долго искали князя, но поиски были тщетны.

Наконец два костромских воина, Сабуров и Хлопищев, нашли его. Без памяти лежал Дмитрий под срубленным деревом, накрытый листвою. Доспехи князя были иссечены, но крепкие шлем и броня спасли его от глубоких ран.

Семь дней провели победители на Куликовом поле, хороня убитых героев в братских могилах. Семь дней стучали топоры в окрестных дубравах: многие воины мастерили гробы-колоды, чтобы увезти своих павших товарищей и предать их тела родной земле...

Дмитрий Донской на Куликовом поле. (С марьяны О. Кипренского.)

Русская рать возвращалась со славой и богатой добычей. Сто сорок лет позорного ига были сброшены великим народом в течение одного дня.

Крестьянские парни, девушки и ветхие старики стояли по обочинам дорог и низко кланялись славному войску. Народ спокойно сvez с полей урожай, на который недавно зарились чужеземцы. Весть о победе летела по землям. Неслись над свободною от врага Русью легкие быстрые облака...

По народному сказанию, татары после проигранной ими битвы стали говорить:

— Уже нам, братья, в Русь войной не хаживать, а выхода нам у русских людей не прашивать.

И хотя они еще целых сто лет «хаживали» на Русь и «прашивали» у русских людей «дани-выходы», но уже не могли угнетать их попрежнему и боялись встречи с ними в открытом бою.

Не пытались больше скрестить оружие с русскими и генуэзцы. В том же 1380 году, повидимому, за участие в Куликовской битве золотоордынский хан закрепил за ними все крымское побережье. И хотя плата наемникам оказалась высокой, они, вспоминая об этом походе, называли его «несчастнейшей войной»...

Благодарный народ назвал князя Дмитрия — Донским и Владимира Серпуховского — Храбрым. Эти князья совершили подвиг, нанеся страшный удар могуществу Золотой Орды.

Все народы, подвластные татарским ханам, воспрянули духом после Куликовской победы.

Значение ее было огромно.

Великий русский народ твердо понял, что его сила — в единстве, и неудержимо потянулся к избавительнице от чужеземного гнета — Москве.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Нашествие Батя	3
Легенда о Коловрате	8
Татарское иго	10
Мамай идет на Русь	14
Навстречу орде	18
На поле Куликовом	21
Битва	22

ДЛЯ МЛАДШЕГО И СРЕДНЕГО
ВОЗРАСТА

Ответств. редактор *К. Пискунов.*
Художеств. редактор *П. Суворов.*
Технич. редактор *С. Кошелева.*
Корректоры *А. Сапелкина* и
В. Гуркина.

Детиздат № 2000. Инд. Д-6. Ф. 82 x 113¹/₂.
2 печ. л. (1¹/₄ учетно-авт. листа). Упол-
номоч. Главлита Б-60613. Сдано в произв.
27/VIII 1938 г. Подписано к печати
23/X 1938 г. Тираж 100300 экз. Заказ № 1117.

Фабрика детской книги Изд-ва детской
литературы ЦК ВЛКСМ. Москва, Сушев-
ский вал, 49.

Цена 45 коп.

